

К 100-летней годовщине закрытия СПбДА
и научного журнала «Христианское чтение»

С. Л. Фирсов

«САКРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ»: ШТРИХИ К ИСТОРИИ МИФА О «ЛЕНИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ» И ЕЕ ВОСПРИЯТИИ (социально-психологические аспекты темы)

Статья посвящена важной историко-церковной и религиоведческой теме: анализу социально-психологических аспектов мифа о «ленинской религиозности», а также о ее восприятии — как современниками большевистского лидера, так и нашими современниками. Автор показывает, как сказ об изначальном атеизме Ленина использовался советской идеологической машиной в целях создания нового мифа, в котором Ленин занимал место «спасителя» и «водителя» человеческих масс, своеобразного «коммунистического мессии». В статье показывается, как и почему совершалась подобная подмена, в которой чаемое большевиками «светлое будущее» оказывалось неразрывно связано с личностью «сакрализованного» большевистского вождя. Автор пытается доказать, что миф о «ленинской религиозности» следует понимать в контексте сознательно творившейся в советскую эпоху «коммунистической сказки», как своеобразный идеологический симулякр, замещавший столь необходимые человеку высокие религиозные идеалы их фальшивой квазирелигиозной копией.

Ключевые слова: миф, религия, Православная Церковь, Ленин, атеизм, революция, коммунизм.

Известно, что Ленин был воинствующим атеистом. В своих трудах он резко характеризовал и религию, и «церковников». Именно ему принадлежат знаменитые слова о том, что «религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [Ленин: *Социализм и религия*, 147]. Он произнес их еще в 1905 г. и с тех пор никогда не пытался дезавуировать сказанное. О том, как Ленин относился к вопросам религии и Церкви, много писали в советские времена¹, и, казалось бы, тема эта изучена настолько, что ничего нового и сказать более нельзя. Однако, несмотря на совершенно очевидный антиклерикализм и атеизм Ленина, вопрос о его отношении к религии до сих пор обсуждается и мифологизируется. Почему и как это происходит, можно понять, только вновь вспомнив некоторые важные моменты его биографии.

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала, что Ленин достаточно рано порвал с религией. Вспоминая, как в мае 1909 г. увидела свет его работа «Материализм и эмпириокритицизм», Н. К. Крупская утверждала не только, что тогда «все точки были поставлены над и», но и то, что «вопросы философии для Ильича неразрывно были связаны с вопросами борьбы с религией. Вред религии, — писала она далее, — понял

Сергей Львович Фирсов — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (sfirsofff@mail.ru).

¹ Фундаментальная работа, в которой исследовалось отношение Ленина к религиозным вопросам, была написана известным советским религиоведом М. И. Шахновичем еще в начале 1960-х гг., и тогда же защищена в качестве докторской диссертации по философии. См. подр.: [Шахнович, 1961].

Ильич еще пятнадцатилетним мальчиком. Сбросил с себя крест, перестал ходить в церковь. В те времена это было не так просто, как теперь» [Крупская, 2013, 160].

В возрасте пятнадцати лет Ленин учился в последних классах гимназии (пятом или шестом). К этому возрасту он уже не был «мальчиком», он был подростком, читавшим серьезную литературу, пытавшимся разбираться в социальных проблемах, волновавших думающих о будущем страны молодых людей. Но не на данное обстоятельство следует обратить внимание. Более интересно, как этот эпизод ленинской биографии эксплуатировался советской идеологией. Чем активнее велась борьба с религией и Церковью, тем чаще вспоминался ленинский атеизм. Например, в хрущевские времена о нем специально вспоминалось в книге Е. В. Андреевой «Жестокий путь», посвященной рассказу о вредности религии и адресованной детям. Подчеркивая, что борьба за свободу и равенство против религии и рабства — это вековая борьба, что «наша родина» является страной, где эта борьба «между светом и тьмой» кончается и «свет коммунизма побеждает мрак религии и косности», автор специально объясняла подрастающему поколению отношение вождя пролетариев всего мира к религии.

Заявляя, что среди родных и близких Ленина верующих не было, и что уже с малых лет Володе Ульянову «была чужда обычная в те времена детская набожность», она вспоминала слова Г. М. Кржижановского, со слов Ленина рассказывавшего, как последний «уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор». Причина этого в книге Е. В. Андреевой объяснялась следующим образом: к Илье Николаевичу Ульянову приехал чиновник Ведомства народного образования, которому тот рассказал, что его дети не любят ходить в церковь. Реагируя на сказанное, этот чиновник якобы сказал: «Сечь, сечь надо!». Услышав эти слова, юный Владимир Ульянов выбежал во двор, сорвал крест и бросил его на землю [Андреева, 1964, 191].

Английский биограф Ленина Луис Фишер, вспоминая истоки ленинского атеизма, по этому поводу указывал, что сам вождь мирового пролетариата, отвечая на вопросы переписи 1922 г., написал: «Неверующий с 16-ти лет», от себя поясняя, что стал он неверующим *после смерти отца*. «Это, — пишет далее Л. Фишер, — кстати, опровергает часто упоминаемую историю о том, что он якобы сорвал с себя нательный крест, услышав, что священник (sic!) советует отцу бить мальчика за безбожие. История, однако, все еще живет в советской мифологии» [Фишер, 1970, 21].

О том, насколько верна легенда о «сечении» детей, рассуждать не будем — на то она и легенда (в рассказе Г. М. Кржижановского инициатор «сечения» — чиновник, у Л. Фишера — священник, у Н. К. Крупской — педагог, коллега И. Н. Ульянова). Отметим только, что сама информация об окончательном разрыве Ленина с религией в гимназические годы не может быть опровергнута. Случилось это в последний год жизни его отца или вскоре после смерти И. Н. Ульянова — не принципиально². Принципиально то, что это *случилось*.

То, как это объясняли для детей, думается, показательно и для объяснений, адресованных взрослым. Но то, что Е. В. Андреева заявила об отсутствии среди окружающих Ленина в детстве людей верующих — показательно. Это была сознательная клевета, поскольку даже в советских изданиях, посвященных семье Ленина, неизменно указывалось: его отец был человеком религиозным. Кстати, если бы это было не так, стал бы Илья Николаевич жаловаться незнакомому чиновнику на нежелание своих детей посещать Божий храм? И еще: даже Н. К. Крупская, со слов супруга, рассказывала, «как волновался Илья Николаевич, когда пришла весть об убийстве Александра II, надел мундир и пошел в собор на панихиду» [Крупская: *Из воспоминаний*, 59]. Если бы он только «по необходимости» пошел на панихиду, Ленин бы обязательно это

² По мнению Д. А. Волкогонова, ссылавшегося на воспоминания Г. М. Кржижановского, отказ Ленина от веры в Бога случился позднее. «Нельзя забывать, — полагал исследователь, — что отец и мать Ульянова были глубоко религиозными людьми, но не были фанатиками веры» [Волкогонов, 1999, II, 249–250].

припомнил, а Н. К. Крупская — вне всякого сомнения, отразила бы событие в воспоминаниях. Не отразила.

О глубокой религиозности Ильи Николаевича писала и старшая сестра Ленина — Анна Ильинична: «Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем „чистым“, чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что „принято“» [Ульянова-Елизарова, 1988, 116–117].

Другое дело — мать Ленина. О религиозности М. А. Ульяновой известно мало. Со слов ее младшего сына — Д. И. Ульянова, мы знаем, что она «посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была». «В последние годы своей жизни, — вспоминал Дмитрий Ильич, — была уже совсем неверующей. Она часто говорила мне, когда я был студентом, что попы обманывают, и перестала ходить в церковь» [Ульянов Д., 1989, 1, 128]. Если это так, то многое становится понятным: в семье не было «религиозного взаимопонимания»: верующий отец и «теплохладная» (в религиозном отношении) мать. Учитывая же, что Мария Александровна имела моральное влияние на своих детей, что Ленин ее глубоко почитал, прислушивался к ее советам (в юности даже бросил по ее настоянию курить), что в семье Ульяновых был культ матери, следует предположить — отсутствие в Ленине «религиозного чувства» не в последнюю очередь связано именно с ней³.

В этой связи не лишним представляется и следующий характерный момент: вспоминая о своих встречах с вождем, его хороший знакомый (а в дальнейшем — непримиримый критик) Г. А. Соломон подчеркивал, как, выйдя на тему семьи и заговорив о матери, Ленин сразу же изменился. «Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то ушедшим глубоко в себя, и он полупшепотом сказал мне: „Мама... знаете, это святая...“» [Соломон, 1991, 13].

Понятно, что, говоря о святости матери, Ленин вкладывал в это слово совсем не религиозный смысл. Но то, что у него, как и у любого человека, были свои критерии «святости» — несомненно. «Святость матери» была диссонансом всему тому, что подразумевала под этим словом официальная церковность, однако само понятие в лексиконе воинствующего безбожника Ленина всегда оставалось.

Понятно, что правила, предписанные для членов Православной Церкви, он не соблюдал, но жизнь в конфессиональном государстве предполагает свои правила, которые, вольно или невольно, его подданные вынуждены (в силу разного рода обстоятельств) исполнять. Так было и с Лениным. «Неверующий с 16-ти лет», он, тем не менее, умудрился стать крестным, то есть участвовал в церковной церемонии, предполагающей принятие на себя ответственности в воспитании крестника (крестницы) в традициях веры. Вероятно, в жизни Ленина это случилось только однажды, в 1893 г. Он стал крестником дочери Аполлона Александровича Шухта — дворянина, оказавшегося причастным к делу антиправительственной пропаганды среди учащихся военных и морских училищ столицы и сосланного в 1887 г. в Сибирь на три года. В 1890 г. А. А. Шухт переехал в Самару, где и познакомился с Ульяновыми. Знакомство переросло в дружбу. Весной 1891 г. Ленин, получивший разрешение на сдачу экстерном экзаменов в С.-Петербургском университете, помог супруге А. А. Шухта приехать в столицу. Позднее А. А. Шухт получил разрешение поселиться вместе с семьей. Они проживали тогда в Царском Селе⁴. Там была крещена и его дочь Ася (Анна).

Ее крестным и стал будущий лидер большевиков, уже в то время активно популяризовавший среди рабочих столицы материалистическое учение Маркса. В дальнейшем семья Шухтов эмигрировала в Швейцарию и вернулась в Россию

³ Относительно недавно появилась специальная статья о «ленинской вере», в которой проводится не лишняя здравая мысль о том, что «неверующая мать», «Мария Александровна, не могла препятствовать расцерковлению Владимира Ильича и его увлечению модными социалистическими теориями» [Шукин, 2017].

⁴ См. подр.: [Аполлон Александрович Шухт].

только после Февраля 1917 г. Дружба с Лениным сохранялась и в эмиграции. О том, что вождь встречался с А. А. Шухтом, дочь которого была его крестницей, писала М. И. Ульянова в советские годы. К сожалению, история не сохранила воспоминаний о том, как вел себя в церкви Ильич. Но, вероятно, исполнял то, что требовалось: когда надо — крестился, когда требовалось, «плевал» через левое плечо, отрекаясь за младенца от сатаны (как и положено крестному), читал положенную по уставу молитву «Отче наш».

Прошло еще несколько лет, и Ленин, пребывая в Сибири, в ссылке, еще раз участвовал в церковных Таинствах. На сей раз — в качестве брачующегося. Не вдаваясь в рассуждения о том, что он чувствовал тогда (кто об этом может знать?), отметим, что по церковным правилам он должен был причаститься. Видимо, это и было последнее Причастие в его жизни. В дальнейшем никаких отношений с религиозной жизнью он не имел.

Формально числясь православным, он никогда не выказывал особого интереса к вопросам церковной реформации, интересуясь (с утилитарными — политическими — целями) сектантством и мусульманством. Его окружение также состояло из людей неверующих. Исключение, пожалуй, составляла только теща — Елизавета Васильевна. Но и она была под стать Марии Александровне Ульяновой.

Если верить воспоминаниям Н. К. Крупской, ее мать «считала себя верующей, но в церковь не ходила годами, не постилась, не молилась, и вообще никакой роли религия в ее жизни не играла, но не любила она разговаривать на эту тему». Впрочем, продолжая рассказ, Н. К. Крупская замечала, что мать в конце жизни все-таки проговорила: «Верила я в молодости, а как пожила, узнала жизнь, увидела: такие это все пустяки». Не случайно она завещала, чтобы ее кремировали («сожгли»). Волю Елизаветы Васильевны исполнили: все прошло в бернском крематории [Крупская, 2013, 247]. Кремация воспринималась большевиками как своеобразный протест, направленный против традиций и установлений Церкви. В этой связи то, что «сожгли» ленинскую тещу, — весьма показательно. Показательно и то, что вскоре после этого Ленину и Н. К. Крупской пришлось переехать в другую квартиру: их предыдущая хозяйка — «религиозно-верующая старуха-гладильщица» — не желала, чтобы комнату у нее снимали люди неверующие. Ульяновы переехали [Крупская, 2013, 247].

Как же Ленин воспринимал смерть, боялся ли ее?

На этот вопрос Н. К. Крупская дает однозначный, вполне ясный ответ. Летом 1909 г. Ленин с супругой встречались и разговаривали с четой Лафаргов — теоретиком марксизма, экономистом и политическим деятелем Пьером, и его супругой Лаурой, дочерью К. Маркса. Тогда Лаура сказала им, что ее супруг скоро докажет, насколько искренни его убеждения. «Смысл этих слов и этого взгляда, — писала Н. К. Крупская, — я поняла, когда узнала в 1911 г. о смерти Лафаргов. Они умерли как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы» [Крупская, 2013, 167]. Она специально не писала, что Ленин на их похоронах в Париже произнес надгробную речь, но отметила: «эта смерть произвела на Ильича сильное впечатление. Вспоминали мы нашу поездку к ним. Ильич говорил: „Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги“» [Крупская, 2013, 183].

Обратим внимание на приведенные Н. К. Крупской слова: Ленин вполне серьезно думал, что жизнь заканчивается тогда, когда уходят до минимума силы, позволяющие вести революционную борьбу, — «жизнь» и «борьба» были для него синонимами. В дальнейшем, когда он умер, в высшем эшелоне партийных функционеров поползли слухи о том, что, пережив первые «припадки» болезни, он захотел покончить жизнь самоубийством. Одним из тех, кто сделал эти слухи достоянием общественности, был Л. Д. Троцкий. Потеряв власть и влияние в партии, высланный из СССР, он писал о том, что, «видимо в феврале 1923 года», И. В. Сталин сообщил, что вождь вызывал его к себе и требовал доставить ему яд (кстати сказать, Лафарги отравились, приняв цианистый калий). Рассказывая эту историю, Л. Д. Троцкий вспомнил о своем

разговоре с Ф. А. Гетье — лечащим врачом семьи Ленина и его самого. Тот якобы сообщил: невозможно сказать, что болезнь Ленина — это «конец». Следовательно, можно было надеяться на лучшее. Сообщив это, далее Л. Д. Троцкий вновь вернулся к истории с ядом, подчеркнув, что, когда И. В. Сталин передавал просьбу Ленина, на лице его «застыла полуулыбка; точно на маске». Л. Д. Троцкий, если верить ему, выступил категорически против, указав на то, что надежда на выздоровление не потеряна. «Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения» [Троцкий, 2017, 238–239].

Достаточно быстро легенда о яде получила «политическое измерение», тем самым превратившись в миф (хотя миф этот имел под собой вполне серьезное основание). Ленин, действительно, не мыслил себя вне активной жизни. То, что случилось с ним после 1921 г. — физическая недееспособность, — можно назвать личной его трагедией. Не случайно еще 22 декабря 1922 г. Л. А. Фотиева в дневнике дежурных секретарей записала, что в шесть часов вечера вождь вызвал ее и продиктовал: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам». Затем, уже от себя, дополнила: «Он прибавил при этом: „Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И я надеюсь, что Вы это исполните“. Пропущенную фразу в начале не могла припомнить. В конце — я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила — не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне» [Фотиева, 1991, 217].

Но мог ли он, в отличие от Лафаргов достигший власти и получивший возможность начать глобальный социальный эксперимент, согласиться на уход из жизни с помощью яда?

Кто знает... Конечно, дело не в том, кому он предложил (если предложил) доставить ему яд, а в том, насколько этот «яд» мог помочь укреплению дела мировой революции. Иначе рассуждать — значит воспринимать Ленина не как «бойца революции», ее вождя, а как банального героя с претензией на исключительность своего «я», к тому же взятого «напрокат» у Лафаргов. Всё, понятно, не предусмотреть. Болезнь относилась к этому «всё».

21 января 1924 г. в 6 часов 50 минут вечера Ленин умер. Началась новая эпоха — «после Ленина». Миф о нем стал разбухать и расширяться, Ленин переставал соответствовать человеческим оценкам и, чем далее, тем более, характеризовался так, как характеризовались небожители. Реагировали ли на это представители Русской Православной Церкви, о которой Ленин публично (и «секретно») успел столь многое и жестко сказать, с которой боролся и «идейно»?

Реагировали. 25 января 1924 г. центральные газеты страны, «Правда» и «Известия», опубликовали краткие заметки, в которых содержались официальные соболезнования церковных деятелей страны. Так, «Правда» опубликовала обращение во ВЦИК, М. И. Калинину, председателя обновленческого Священного Синода РПЦ митрополита Евдокима (Мещерского). «По случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства векового насилия и гнета на пути полной свободы и самоустроения» митрополит Евдоким писал в высокопарных выражениях: «Мы знаем, что его крепко любил народ. Пусть могила эта родит миллионы новых Лениных и соединит всех в единую великую братскую, никем неодолимую семью. И грядущие века да не изгладят из памяти народной дорогу к этой могиле, колыбели свободы всего человечества. <...> Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианской душе» [Мещерский, 1924, 3]⁵.

Соболезнование напоминало скорее панегирик жизни кандидата в святые, чем скорбь по поводу кончины главного атеиста страны. Верить в искренность сказанных слов было трудно, хотя обновленцы к 1924 г. сумели доказать свою

⁵ Помимо обращения обновленческого Священного Синода там же публиковались краткие соболезнования от «Союза „Церковное возрождение“», возглавлявшегося епископом Антонином (Грановским), и от Всероссийского Союза баптистов.

полную и безоговорочную лояльность советскому режиму (по ходу дел «заработав» от Л. Д. Троцкого наименование «сменовеховского духовенства»).

Другое дело — Патриарх Тихон (Беллавин), которого обновленцы весной 1923 г. на своем «Соборе» «лишили» не только сана, но и монашества. В то время Патриарха, обвиняемого советскими властями в активном сопротивлении ее политике, подвергли аресту. В июне 1923 г. он обратился с заявлением в Верховный суд РСФСР с ходатайством об изменении меры пресечения и раскаяваясь в «поступках против государственного строя». Власти, к тому времени понявшие, что суд над Патриархом грозит перерасти в огромный международный скандал, приняли вынужденное раскаяние Первосвященителя Русской Церкви. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», они стремились, поддерживая противостояние «тихоновцев» и обновленцев («живоцерковников»), к углублению церковного кризиса. Как, осознавая все это, должен был реагировать на смерть Ленина Патриарх?

Осторожно и корректно. 24 января 1924 г. Патриархом и членами его Синода — преосвященными Тихоном (Оболенским), Серафимом (Александровым) и Петром (Полянским), в органы советской печати было отправлено соответствующее обращение. Опубликовали его на следующий день в «Известиях». «Прошу через Вашу газету выразить Мое соболезнование Правительству Союза Советских Социалистически Республик по поводу тяжкой утраты, понесенной им в лице неожиданно скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина)», — говорилось в обращении [Акты Святейшего Тихона, 1994, 311]. Здесь нет лишних слов, соболезнование составлено в сдержанных выражениях. Патриарх Тихон, в 1918 г. составлявший и подписывавший послания, обличавшие богоборческую политику большевиков и анафематствовавший «творящих беззакония и гонителей веры и Церкви», не мог быть апологетом главного гонителя (хотя нигде в официальных документах лично его не критиковал). Однако и такое «спокойное» обращение трудно признать подлинным выражением чувств Патриарха и его окружения. То, что названные в нем архиереи титуловались «митрополитами», уже заставляло задуматься над тем, кто в действительности подготовил этот документ: преосвященные Тихон (Оболенский), Серафим (Александров) и Петр (Полянский) только 2 марта 1924 г. были возведены в митрополитье достоинство.

Странности, связанные с публикацией «Обращения» Патриарха, на этом не завершились. Тогда же, 25 января, в газете «Вечерняя Москва» появилась странная заметка, в которой говорилось, что после смерти Ленина к Патриарху стали поступать запросы от приходов и мирян: можно ли служить панихиды по усопшему вождю? На этот вопрос он якобы ответил: «По канонам Православной церкви возбраняется служить панихиду и поминать в церковном служении умершего, который был при жизни отлучен от Церкви. <...> Но Владимир Ильич Ленин не отлучен от Православной церкви высшей церковной властью, и потому всякий верующий имеет право и возможность поминать его. Идеино мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души» [Акты Святейшего Тихона, 1994, 311].

Такие слова и тогда, и в последующие времена активно приводились в качестве доказательства «пересмотра» Патриархом своего отношения к Ленину, «душа» которого, как видим, характеризовалась исключительно позитивно. На самом деле все было иначе. При изучении следственных дел той поры современными учеными было выявлено, что Патриарх не только таких выражений не использовал, но и «Обращения» не составлял. Осведомители ОГПУ сообщали своему начальству, что 1 февраля 1924 г. Патриарха Тихона неожиданно посетил епископ Платон (вероятно, Руднев) вместе с неким Королевым. Из разговора с Патриархом еп. Платон, между прочим, узнал, что тот «никакого соболезнования в редакции газет по случаю смерти нашего Вождя, тов[арища] Ленина, не посылал, а что Тихона посетил какой-то корреспондент и спросил его, как он относится к смерти: удивленный Тихон ограничился ответом, что „сочувствует“, после чего корреспондент ушел, а после чего неожиданно

появилась в газетах корреспонденция»⁶. В данном случае чекистам можно доверять: они лишь сообщили то, что услышали от своего агента. Да и агенту рассказывать неправду резона не было. Данное обстоятельство следует иметь в виду, учитывая, что за три дня до приведенного разговора в сводке ОГПУ сообщалось, что «отзыв Тихона на смерть Ленина многие москвичи очень хвалят». Сам Патриарх не стал выступать с опровержениями, потому что опасался неизбежных новых обвинений в контрреволюции. Из сообщений осведомителей также известно, что Патриарх на вопрос, заданный представителем духовенства, о возможности молиться за Ленина ответил: «Сам лично служить не буду, но другим разрешаю, раз христиане этого просят». Это высказывание неодобрительно встретили стоявшие на более жестких, чем сам Патриарх, позициях архиепископ Феодор (Поздеевский) и митрополит Серафим (Чичагов) [см.: Сафонов, 2013, 458].

Как бы то ни было, но начало официальной легенде о «сочувствии» Патриарха Тихона было положено. Власть будет ею пользоваться, когда возникнет необходимость доказать, что священноначалие Русской Церкви постепенно осознавало «благость» социалистических перемен и, естественно, лучше понимало масштаб Ленина. Разумеется, слова о «христианской душе» вождя использовать напрямую было трудно, тем более что далеко не все граждане Советской страны в то время горевали по поводу невозполнимой утраты. По Петрограду, например, тогда стала ходить весьма показательная песенка:

Ты гори, гори свеча
У могилы Ильича,
Всей России палача,
Чтоб работал и в гробу
Он на пользу ГПУ [Аничкова, 2016, 154].

Так выражали свои вовсе не скорбные чувства представители социальных «низов». Интеллектуальные «верхи», впрочем, тоже не всегда плакали. Поэт М. А. Кузмин в своем дневнике оставил следующую характерную запись: «После похорон погода утихла и смягчилась: *все черти успокоились*. Какое вранье и шарлатанство все эти речи. Даже не „повальное безумие“, а повальное жульничество, принимающее такие масштабы, что может сойти за безумие. Да и масштабы — не самоуспокоение ли? Весь мир через пьяную блевотину — вот мироустройство коммунизма. <...> Придумал написать „Смерть Нерона“» (курсив мой. — С. Ф.)⁷. То, что М. А. Кузмин именно в январские дни 1924 г. решил писать о кончине одного из самых скандальных римских императоров, весьма любопытно: ведь в христианском предании Нерон считается первым государственным организатором гонений на христиан и казней апостолов Петра и Павла! Сравнение Ленина с Нероном напрашивается невольно.

На смерть Ленина вынуждены были реагировать и представители академической науки. Но как реагировать, они не вполне понимали. Сын известного путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, географ и музеевед, редактор-составитель «Полного географического описания» России Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский по этому поводу вспоминал: «Ленин был атеистом, не сочувствовавшим религиям вообще и церквонности; поэтому никаких служб по нем совершать было невозможно. А между тем в те времена Луначарский писал в прессе, что смерть, т. е. переход от существования к несуществованию, — вообще настолько важный момент, что он должен так или иначе отмечаться человеком с известной торжественностью. Формы так называемой „гражданской панихиды“, т. е. чередования речей в память умершего с инструментальной музыкой печали, тогда еще твердо не установились, также как и похоронные процессии с траурными маршами, а почтить память Ленина с торжественностью как-то было надо». По этой причине

⁶ Цит. по: [Сафонов, 2013, 458].

⁷ Цит. по: [Богомолов, 1990, 206].

Академический центр прислал во все учреждения академической направленности приглашения, извещавшие ученых о том, что в память почившего артистами Мариинского театра будет исполнен реквием Моцарта. Хитрость заключалась в том, что латинские слова католического богослужения понимали немногие, а музыка была великолепная. В. П. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал, что сразу же почувствовал неестественность такого выхода и не пошел на мероприятие, попутно заметив, что впоследствии «к таким способам почтения памяти больше уже не прибегали» [Семенов-Тянь-Шанский, 1992, 415–416].

Таким образом, в первый и, вероятно, в последний раз память вождя почтили, скрытно используя церковные песнопения, хотя и католические. Впрочем, о том, как ученые Академии наук относились к Ленину, опосредованно свидетельствовал тот факт, что вплоть до 1929 г. ни один большевик не был избран в состав академической корпорации — членом-корреспондентом или действительным членом. Только в 1929 г., не без проблем, в корпорацию были включены большевики: «техники» Г. М. Кржижановский, обществовед Н. И. Бухарин, историки Н. М. Лукин, Д. М. Петрушевский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов, философ А. М. Деборин, филологи П. Н. Сакулин и В. М. Фриче (Лукина, Деборина и Фриче с трудом «протащили», грубо используя «административный ресурс») [Романовский, 1999, 174–175].

Впрочем, интересно не только это. Возвращаясь к проблеме «демонизации» Ленина, следует подчеркнуть, что она не могла в 1920-е гг. идти иначе, как параллельно с его обожествлением. Одно предполагало другое, «демонизация» не могла обойтись без масштабного «культа вождя», и наоборот. Слова об «избранничестве» Ленина в год его кончины звучали столь часто, что не могли не воздействовать на сознание (и подсознание) многомиллионных «трудящихся масс», еще совсем недавно веривших в Бога и посещавших храмы. Слова об «избранничестве», с разной интенсивностью, но не переставая, звучали в СССР на протяжении многих последующих лет, заставляя его граждан никогда не забывать о вожде. И все же всему когда-то приходит конец, пришел конец и официальной, на государственном уровне проводимой, ленинской пропаганде.

Однако разговоры о «святости» вождя это только стимулировало, миф о коммунистическом праведнике получил новый импульс. Конечно, почитатели ленинской «святости» существовали и в СССР. В частности, среди некоторых представителей беспоповских согласий. Среди них были даже такие, что писали «иконы» вождя. Воспринимая Советскую власть как антагониста царской, которая их преследовала, беспоповцы создали свой собственный культ Ленина, который резко осуждается Русской Православной Церковью, устами своих священнослужителей сегодня публично заявляющей: «Ленин — это человек, о христианском мировоззрении которого неизвестно ничего, кроме пятерки по Закону Божьему в его аттестате. Все остальное его отношение к христианству — это злоба и сатанинская одержимость. По рассказам современников, его просто корежило при упоминании Имени Божьего. Изображать его на иконах — кощунственно» [Стешин, 2009].

Случается, впрочем, что Ленина изображают и на иконах, помещаемых в православных храмах. Один из таких случаев был описан митрополитом Ростовским и Новочеркасским Меркурием (Ивановым), в год 100-летия Октября публично возмущившимся качеством реставрации, проведенной в Воскресенском войсковом соборе станции Старочеркасской. «По местному ряду икон проводили реставрацию кощунственно! — заявил владыка. — Не буду говорить, в каком месте, но если вы посмотрите, то увидите, что внизу на одной из икон, где предполагаемо должна быть изображена встреча Христа с самарянкой, вместо Христа написан Владимир Ильич Ленин. Это факт!» [Donnews, 2017].

Не будем забывать, что, согласно евангельскому повествованию, Иисус в иносказательной форме рассказал женщине о Себе как об источнике живой воды, испив которую, человек становится освобожденным и готовым к новой жизни (Ин 4:13–14). Если следовать логике Священного текста, вспомнив о том, кого в Старочеркасском

соборе написали вместо Христа, можно без труда прийти к банальному выводу: ведь и Ленин коммунистической идеологией представлялся как «источник живой воды», «воды» коммунизма, «испив которую», человек навсегда обретет свободу. Религиозная подмена — налицо.

Правда, иконы с изображением Ленина и раньше появлялись в православных храмах. За десять лет до истории в Старочеркасске греческие телеканалы сообщили о том, что на фресках храма Пресвятой Богородицы в городке Аксиуполи художник Костас Вафиадис поместил Ленина, стригущего бороду у стоящего перед ним со скованными руками святителя Луки (Войно-Ясенецкого) — одного из наиболее почитаемых в Греции русских святых, известного хирурга и исповедника. Сам художник утверждал, что сознательно написал на фреске Ленина, дабы изобразить страдания мучеников веры (на другой его фреске были написаны И. В. Сталин и участники Ихэтуаньского восстания в Китае, убивающие православных). К. Вафиадис настаивал: подобные изображения допустимы в церкви. Однако скандала избежать не удалось. Правящий архиерей этих мест, митрополит Спиридон, высказал свое полное неприятие такого «самовыражения» (равно как и губернатор Салоник), а настоятель храма Пресвятой Богородицы, наоборот, поддержал иконописца.

Возникла дискуссия, в которой приняли участие представители средств массовой информации, отмечавшие, что в православной традиции не только Иисус Христос, Богородица и святые изображались на иконах, фресках и мозаиках, но также и гонители веры. Временами в церковной живописи появлялись изображения императоров (православных и язычников), античных философов, других персонажей, как положительных, так и отрицательных [Головашкин, 2007].

В данном случае, понятно, никаких сомнений в том, что художник не пытался показать Ленина православным праведником, быть не могло. Но уже то, что он изображался в храмовой живописи, вызвало дискуссию и неприятие многих. Психологически это легко объяснимо: если картины (или иконы) с лицами властителей прошлого, даже нехристиан, в силу времени не могли восприниматься излишне болезненно, то в случае с Лениным все было иначе — для него «историческая давность» не наступила, он воспринимался и воспринимается до сих пор как *реальный персонаж, действующее лицо* современной политической жизни. В этом смысле он еще «живой». Ленинский миф оказывается востребованным — и для «левых» христиан, и для тех, кто считает вождя мирового пролетариата одним из наиболее отрицательных героев XX века.

Впрочем, современные мифотворцы порой таким образом разбирают тему «религия и Ленин», что понимаешь: тема эта — неисчерпаемая. Доказательством сказанному может служить «историческое расследование происхождения социализма в России», выполненное российской журналисткой Т. Ф. Щербаковой. Расследование носит претенциозное название: «Староверы Ульяновы. Заговор купцов» » [Щербакова, 2014].

Насколько серьезно можно относиться к сему произведению?

Ровно настолько, насколько позволит читателю чувство юмора, общие знания истории и, наконец, здравый смысл.

Конечно, рассказ Т. Ф. Щербаковой о «староверах-Ульяновых» не может считаться историческим исследованием, но как эпатажное «журналистское расследование» он представляет несомненный социально-психологический интерес. Автор стремится доказать, что революция 1917 г. — революция раскольников, а страну от разорения спас именно Ленин. Т. Ф. Щербакова пишет и о том, что борьба с Домом Романовых и Русской Церковью затрагивала интересы всех староверов, а революции 1905 и 1917 гг. «оплачивались из общинных миллиардов русских раскольников», которые 250 лет накапливали достаточную «для падения ненавистного им дома Романовых» сумму. Впрочем, своих целей староверы достигли уже в период с 1905 г. по февраль 1917 г., «после чего на первое место в повестке дня выдвинулся конфликт отношений собственности внутри старообрядчества. Путь для его разрешения расчистил октябрь

1917 года. Численность и влияние старообрядчества придали процессу общероссийский масштаб. И тут на сцену вышел Ленин — фигура странная, противоречивая, во многом оболганная и пока неразгаданная» [Щербакова, 2014, гл. 12, 15].

Разгадывая, насколько позволяли интеллектуальные силы, фигуру вождя, Т. Ф. Щербакова умудряется установить связи со староверами не только И. Н. Ульянова, но и отца М. А. Ульяновой, деда Ленина — А. Д. Бланка. Не успокаиваясь на этом, она высказывает сенсационное предположение и о том, что М. А. Ульянова могла принадлежать к роду Бланков-архитекторов, ведущих свою родословную от французских раскольников — гугенотов. Мятёжное воспитание можно было получить «и там и там». «Просто вопрос о еврействе был бы снят, а вопрос о принадлежности к староверам и масонам остался бы» [Щербакова, 2014, гл. 13].

Впрочем, дабы не отвлекаться от темы, отметим, что Т. Ф. Щербакова видит в Ленине прямого потомка беспоповцев (по линии отца). Его родословную она излагает следующим образом: в конце 1790-х — начале 1800-х гг. в Астрахань пришел крепостной крестьянин Николай Васильевич Ульянин, судя по фамилии — незаконнорожденный сын крепостной крестьянки. Придя в город, он направился к староверам и нашел у них полную поддержку (поскольку староверы «охотно принимали в своих общинах крепостных крестьян, давали им новые имена и старались перевести в мещанское сословие»). Вероятно, ему покровительствовали богатые купцы Алабовы. В результате к тридцати восьми годам он оказался свободным и приписанным к сословию мещан.

Сообщив об этом, автор замечает: «остаётся догадываться, как сумел крепостной крестьянин выбиться в мещанское сословие и дать счастье своей семье, да еще такое, что уже его сын закончил гимназию и университет — и при том с отличием оба учебных заведения». А в царствование Николая I принимать детей мещан в гимназии и университеты было строго запрещено. «Как же удалось детям вчерашнего крепостного Ульянина так высоко подняться по социальной лестнице, вопреки строгим сословным законам?»

Ответ ищется и находится в факте его женитьбы на дочери астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова Анне, которая вышла замуж за человека на тридцать лет старше нее, видимо, по расчету: «скорее всего, к тому времени, в 1823 году, Николай Васильевич — уже Ульянов — был очень богат». Она предполагает, что к концу «достаточно либерального правления Александра Первого» он мог уже купить поместье и титул личного дворянина. Почему бы и нет? И купцам его давали.

«А женился на юной астраханской мещанке, взяв девушку из своего, старообрядческого, круга. Только этим, — утверждает Т. Ф. Щербакова, — можно объяснить возможность обучения детей Ульяновых в гимназиях и университетах в реакционный режим Николая Первого. Может быть, личное дворянство — как купец, а не приказчик, конечно, получил и его старший сын Василий Николаевич, взявший опеку над младшим братом Ильей Николаевичем после смерти отца, и это дало право ему учиться в гимназии и в университете в строгое Николаевское время» [Щербакова, 2014, гл. 6].

Слава Богу, объяснение найдено. Староверы, стремившиеся помочь пришедшим к ним босякам, сделали все, чтобы дед вождя разбогател, а его отец в свое время получил образование и сделал блестящую карьеру. Да и женился на М. А. Бланк И. Н. Ульянов вовсе не случайно. Здесь была не просто симпатия, но больше того: «вступая в брак, они уже не были совершенно свободными людьми, имея зависимость от тех, кто привел их на путь народного образования — понятие о котором было равнозначно понятию о необходимости и неизбежности смены общественного устройства. Так что поистине их брак был ритуальным, и не с таких ли браков списывал свой роман „Что делать?“ Чернышевский? <...> И, скорее всего, под влиянием Чернышевского он [Ульянов. — С. Ф.] и заключил свой брак, давший такой плод, который перевернул сознание всего мира» [Щербакова, 2014, гл. 11].

Слава Богу, разобрались! Да заодно узнали, что и браки бывают «ритуальными», что понял и отразил в своем романе Н. Г. Чернышевский.

«Плод» получил, судя по всему, «староверческую прививку» (которая в качестве необходимого компонента включала и глубокую ненависть к официальной романовской власти) уже в семье. Для борьбы с этой властью юный Владимир Ульянов, после смерти отца и казни старшего брата, пошел по пути многих раскольников — продолжить обучение на юридическом факультете, в «пристанище староверов», в Казани. Почему же выбирается именно юридический факультет?

«Потому что к концу девятнадцатого века их общины начали нести убытки из-за кризиса в промышленности. Государство любило грабить раскольников, отбирая у них капиталы и собственность. Им пришлось срочно повышать образование, осваивать рыночные правила и государственные законы. Поэтому дети староверов пошли в гимназии и университеты осваивать юридическую и экономическую науку. Денег на это общины не жалели, поэтому у таких студентов все складывалось отлично, как, к примеру, у Ильи Николаевича Ульянова и у его сына Владимира, который, даже будучи исключен из Казанского университета, сумел получить диплом. Советский миф о необыкновенных способностях юноши и его целеустремленности можно и не отвергать. Но без больших денег эти его качества, будь он бедным, ничего бы не стоили.

Юристы староверам понадобились в конце века. А еще раньше — учителя для народных школ» [Щербакова, 2014, гл. 17]. Отец Ленина работал инспектором и директором народных училищ, а он сам, следуя за велениями времени, — юристом. Преемственность налицо.

История итальянской мафии меркнет перед историей старообрядческого «спрута», окутавшего тогда всю Россию. Пройдут годы, и молодой революционер Ульянов, ставший Лениным, разработает стройную теорию революции в России, расскажет о возможности ее постановки «на демократические рельсы в западном направлении». А теория «так была нужна раскольников для захвата власти». Вот поэтому ленинская «работа и была с лихвой оплачена именно русскими купцами-староверами, а не Западом, как принято считать сегодня» [Щербакова, 2014, гл. 20].

А как же марксизм, который Ленин «исповедовал» всю свою сознательную жизнь, или, используя язык автора, — как же «коммунизм Маркса»? И на этот вопрос заготовлен соответствующий ответ: «Да он [Маркс. — С. Ф.] солгал всему миру, подтолкнув Россию строить коммунизм на основе староверческой общины. В ней он „увидел“ возможность использования общинных традиций страны для построения ее светлого будущего. Забыл только сообщить при этом миру, что староверческая „коммунистическая“ и процветающая русская община была еще в семнадцатом веке на корню куплена англичанами, подославшими к ней своих евреев для греховного ростовщичества». При этом «Маркс мог обмануть человечество, призывая русских строить коммунизм на перепроданной раскольничьей общине, но Ленин-то об этом обмане отлично знал. И никакой коммунизм он, естественно в России строить не собирался. Придя к власти, он, словно забыв, что сам раскольник, разметал эту общину почище Столыпина по фронтам Гражданской войны, пригрозив смертной казнью тем, кто откажется воевать по религиозным убеждениям. Но неграмотные россияне, измученные нищетой и бесправием по воле преступной семьи Романовых и покровительствующей им Православной церкви, получили желанную идею свободы и справедливого распределения продукта их труда. Они за эту идею не пожалели пролитой крови и построили великую социалистическую страну» [Щербакова, 2014, гл. 20].

Общину, конечно, разметал и казнь пригрозил. Но как же быть с патетическим восклицанием-вопросом самой Т. Ф. Щербаковой о том, что «воинствующий атеист Ленин в 1919 году подписывает декрет, освобождающий от участия в боевых действиях тех, кто не считает это возможным по религиозным соображениям, то есть староверов? Хотя в Гражданскую войну любого крестьянина, отказавшегося воевать

в Красной армии по призыву, могли расстрелять. Но только не староверов» [Щербакова, 2014, гл. 10]?

Никак. Ее мысль блуждает по историческому полю, как сомнамбула. Потому и «поле» видит плохо. Точнее сказать, как может, так и видит.

Вспомнив, что лично Ленин не был осужден и отлучен Православной Церковью, она не забывает отметить, как «снятый с патриаршества Тихон» в своем завещании 1925 г. писал, что поминать его не возбраняется, тем более, что «я [Патриарх. — С. Ф.] имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души» [Щербакова, 2014, гл. 10]. О путанице во времени и в фактах говорить не будем, отметим только, что привести характеристику, «данную» Ленину Патриархом Тихоном, «расследовательница» не забыла.

Не забыла рассказать и о том, как воспринимал Ленин официальную Церковь, среди прочего приведя в качестве примера историю с венчанием вождя и его невесты в Сибири, равно и историю их медных колец. Ответила на вопрос, почему «старовер» Ленин венчался в православном храме. «Ленин и обвенчался с Крупской, стараясь скрыть свою принадлежность к раскольничеству, которая позволяла ему жить с женщиной в гражданском браке. <...> Жених и невеста демонстрировали во время обряда традиции Раскола. Это медные поддельные кольца из пятака, сверхскромная одежда жениха и невесты. Сам Владимир Ильич был в поношенном коричневом костюме, а Надежда Константиновна — в белой блузке и черной юбке. В советской истории эти факты преподносились как признак бедности и атеизма Ульянова и Крупской, что, понятно, не соответствовало действительности. И Владимир Ильич, и Надежда Константиновна принадлежали к тайному ордену русского Раскола, который их держал, подготавливая к войне с Романовыми».

И обручальные кольца, сделанные из разломленного медного пятака, не показатель бедности — «этот символ — протест раскольников против официальной русской церкви». К тому же они презирали греческую обрядность, поскольку Н. К. Крупская была полькой, а Ленин — беспоповцем. Практическим же результатом этого презрения можно считать то, что «раскрепощенные семейные устои беспоповцев-раскольников даже вошли в Кодекс советской семьи, будучи закрепленными Конституцией СССР» [Щербакова, 2014, гл. 9].

Отстаивая тезис о принадлежности Ленина к общине беспоповцев, автор заявляет, что эта его принадлежность объясняет и непримиримое отношение к православным священнослужителям, «которых он якобы просил расстрелять как можно больше, хотя факт этого его распоряжения Дзержинскому точно не установлен» [Щербакова, 2014, гл. 10]. Т. Ф. Щербакова здесь в очередной раз напугала: расстрелять «как можно больше священников» Ленин предлагал в так называемом «Строго секретном письме» по поводу событий в городе Шуе, но оно адресовалось «товарищу Молотову для членов Политбюро», а не Ф. Э. Дзержинскому.

Впрочем, это уже «мелочи». Главное, что поведение Ленина демонстрировало его сектантскую принадлежность: он был аскетом, не пил, не курил, не любил застолья, с вынужденных партийных вечеринок старался незаметно уйти и остаться один. А мысль о том, что Ленин — выходец из старообрядческой среды, тщательно маскировавшей свою принадлежность к расколу, неожиданно пришла Т. Ф. Щербаковой, когда она задумалась над обстановкой в местах его проживания и работы. «Она резко отличалась от любой другой и аскетичностью, и какой-то такой, я бы сказала, странной чистотой, которая для обычного жилища и не подходит. Даже две узкие убогие супружеские кровати поодаль друг от друга подчеркивали особенность и семейных отношений в этих поистине отшельнических местах».

И вот Т. В. Щербакову посетило озарение: она поняла, что жилище Ленина — это не спальня и не кабинет, «а скит отшельника, куда нет никому хода. Белые чехлы на мебели, перекочевавшие на знаменитые полотна художников, — не революционный дизайн восемнадцатого года прошлого века, а подчеркнутое отделение себя от прочего мира, брезгливость к чужому, которого по необходимости примут в этом

„ските“, но только заслонив места пребывания чужака белыми чехлами, которые тут же снимут и унесут, как только он уйдет» [Щербакова, 2014, гл. 9, 26].

Пожалуй, на этом следует остановиться, не разбирая более книгу московской журналистки. Когда я читал ее, у меня закрадывалась мысль: не сознательное ли это издевательство над здравым смыслом, не интеллектуальное ли «ёрничество»? Но, дочитав до конца, понял, что так ставить вопрос нельзя. Книга Т. Ф. Щербаковой — плод самостоятельных «изысканий», предпринятых с целью понять логику действий вождя, его привычки и настроения. Предпринятая попытка, повторим, привела автора (хотела она этого или нет) к созданию очередной «теории заговора». В ней нет ничего нового — «вездесущие» староверы на службе английской буржуазии заменили других «вездесущих», упоминание о которых часто встречается в соответствующей литературе. Правда, Ленин, как показывает Т. Ф. Щербакова, сохранив привычки старовера, в конечном итоге отказался играть по правилам Запада. Но старовером-то все-таки «был»!

Удивительно, как миф может «переворачиваться», превращаясь в собственную противоположность! Впрочем, надо признать, что в одном Т. Ф. Щербакова безусловно права: Ленина можно назвать сектантом. Только его сектантство не следует окрашивать в религиозные цвета, оно политического свойства. Сектантский максимализм был свойствен Ленину, но это не было результатом его «староверческого» прошлого. Ленин был человеком глубоко верующим, но его вера была «в духе Чернышевского и левых народольцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию», он обладал уверенностью «чисто религиозного характера (при воинственном атеизме)», что доживет до этой революции. Такая уверенность и вера, по мнению Н. В. Валентинова-Вольского, отличала Ленина от всех прочих российских марксистов. «В этом была его *оригинальность*» [Валентинов-Вольский, 2017, 105]. В другой книге, посвященной вождю большевиков, Н. В. Валентинов-Вольский подчеркивал, что Ленин представляет собой «религиозный тип», смотревший на поддержку себя, как на поддержку революции [Валентинов, 1991, 146]. Поэтому не будет ошибкой признать Ленина «*homo religiosus*’ом» («человеком религиозным»). Кроме того, он обладал и уникальным талантом внушения.

Поэт А. И. Безыменский, вспоминая присутствие Ленина на III съезде комсомола, не мог удержаться от патетического восклицания: «Ты сам — величайшая правда на земле. Ты — Ленин». Но интересно не только «обожение» Ленина поэтом, но и то, что сразу после восклицания он привел диалог вождя с неким комсомольцем из Воронежа, наивно спросившим: «Неужели я... я... увижу коммунистическое общество?». «Глаза Ленина, — пишет А. И. Безыменский, — засияли, и он громко и взволнованно сказал: „Да, да! <...> Именно вы, дорогой товарищ!“». Стоявшие рядом комсомольцы смотрели на Ленина, «трепеща от восторга» [Безыменский, 1957, 231]. Убежденность заражает, видя ее воочию, и самому хочется верить. Это та самая «вера Моисея», с которым сравнивал Ленина К. Б. Радек.

«Нелегко проникнуть в чье-то внутреннее самосознание и судить о нем со стороны, — пишет исследователь „культы Ленина“ Н. Тумаркин, — однако совершенно очевидно, что наиболее характерными чертами духовного склада Ленина были *его вера* в собственные идеи, его твердая решимость донести их до окружающих *со всей силой неопровержимости*. <...> Сознательно взятая им на себя *роль идеала*, примера для других, служит теснейшим соединительным звеном между Ульяновым-человеком и Лениным — объектом культа» (курсив мой. — С. Ф.) [Тумаркин, 1997, 63]. (Я не знаю, сознательно ли Ленин взял на себя роль «идеала», но то, что эта роль была блестяще сыграна — сомнений не вызывает.) Фраза о сознательно взятой Лениным на себя роли «идеала» особенно обращает на себя внимание. Следуя предложенной логике рассуждения, необходимо признать, что он *и должен был* воспринимать себя как идеал, как пример для подражания. Получается, что, вольно или невольно, но вождь сам заложил основы веры «в себя», конечно, не представляя, какие корни эта вера может пустить...

Впрочем, возвращаясь к истории мифологического восприятия Ленина как религиозного типа, следует упомянуть еще одно «выдающееся» творение последнего десятилетия: книгу «Евангелие от Маркса» белорусской «исследовательницы» А. И. Бусел. Ееopus представляет собой попытку объяснить, что такое истинная религия и почему она вполне совместима с коммунистическими идеалами. «В Евангелии, — пишет автор, — Дух Святой есть Отец Христа и всех сынов света, Отец Нового Мира. Лукавый же Дух по Евангелию — это дух ветхого (старого) мира, Князь ветхого мира, отец сынов тьмы, отец ветхого мира. Сей лукавый Дух и есть иудейский бог Яхве, которого Христос называет Дьяволом (сатаной). Задача познания этих противоречивых сторон духа, и по сей день разделяющего человечество на противоположности, сама собой вытекает из ленинского учения о диалектике. И эта задача есть все та же евангельская заповедь познания Духа Святого, поставленная Христом и Апостолами» [Бусел, 2007, 27].

«Иудейский бог», согласно А. И. Бусел, не мог быть иным, кроме как злым существом. Он — совратитель с пути истинного всех «чистых сердцем». Христос — Бог-покровитель всего доброго и достойного. Между добром и злом идет непрекращающаяся битва — в духе «единства и борьбы противоположностей». Диалектика! Далее разбирается вопрос о материи, которая, согласно марксистским постулатам, первична. Как здесь быть? Ничего сложного! Движение материи — единство материи и устремляющего духа. Материя, конечно, первична, но лишь в том смысле, что «пробудившийся в человеческом царстве „мыслящий дух“ вторичен по отношению к низшим царствам природы — животному, растительному и минеральному, где он находится в спящем состоянии» [Бусел, 2007, 35]. Разъяснили, не забыв рассказать и о классовой борьбе. В ветхом обществе ее движет низшее, частнособственническое сознание, определяемое своекорыстными интересами.

Как же следует понимать классовую борьбу в свете соединения Евангелия и марксизма, точнее говоря, в свете евангельского понимания марксизма?

Следует помнить, что «и в учениях Святого Духа, учениях Нового Мира моральные нормы тоже формируются на основе экономических, но уже общинных отношений, чтобы обуздать низшую, животную природу, наладить общественное производство и справедливое распределение, чтоб была равномерность, не было нуждающихся: голодных, раздетых, бездомных и т. д.». Соответственно, моральные нормы «Учений Святого Духа» в основе своей — коммунистические. «Настоящие коммунисты» и сам Карл Маркс без остатка посвятили свою жизнь спасению человечества [Бусел, 2007, 42]!

Но ведь и К. Маркс, и В. И. Ленин выступали против *всякой религии*, в том числе и христианской. Как здесь быть?

Ничего сложного, ибо наряду с прогрессивными формами христианства в России до 1917 г. существовали и его реакционные формы. Против последних большевики во главе с Лениным и боролись. Они боролись против средневековых форм религии, освящавших крепостничество и частную собственность, то есть против «казенного православия», исповедующего «десять заповедей Ветхого Завета, якобы обновленного Христом», и против буржуазной формы религии с ее священной и неприкосновенной частной собственностью [Бусел, 2007, 66–67]. Все, таким образом, зависит от формы: с прогрессивными никто никогда не воевал, а с реакционными по зову сердца и неистребимой тяге к справедливости — сражались не на жизнь, а на смерть.

Под пером А. И. Бусел большевистский вождь предстает не только как продолжатель Христова дела, но еще и в качестве человека, лучше всех распознающего добро. Автор, приводя выдержки из его писем соратникам и друзьям, показывает, что в партии были споры. Затем, после прихода большевиков к власти, происходит «догматизация», «оформление» партии, которая, как и Церковь «господствующая», начинает бороться с различными «ересями» (например, на X съезде приняв постановление «О единстве в партии»)⁸.

⁸ См. подр.: [Бусел, 2007, 108–115].

Ленинская партия — гуманистична по своей природе, но не любит всех без разбора. Праведная ненависть очень даже возможна. «Таково христианство Апокалипсиса — „дня мщения“, изложенное в книге „Откровение св. И. Богослова“ [вот так — «И. Богослова!» — С. Ф.] языком символов и притч». Ненависть допуская и Заратустра, идейный борец за общинный строй. Посему представлять большевиков безбожными человеконенавистниками и убийцами нельзя. Враги сами виноваты: «не было бы сопротивления Новому — Новозаветному! — Миру, не было бы и насилия: „поднявшие меч от меча и погибнут“» [Бусел, 2007, 102]. И хотя последняя фраза не из Евангелия, а приписывается Александру Невскому — безусловному «эксплуататору», — суть дела это не меняет. Поднявшие — погибнут.

А. И. Бусел полагает: понять значение миссии Ленина можно лишь в контексте новозаветного учения Христа. Лениниана же начинается с азбуки Нового Завета. А сам Ильич — Илия пророк, пришедший накануне Дня Суда обратить народ ко спасению и приготовить к сошествию Огня. Сравнить Ленина с ветхозаветным пророком — очевидный промах, вернее было бы назвать его Иоанном Крестителем, приготавливавшим путь Господу.

Может быть, А. И. Бусел, не слишком сильная в знании Священного Писания, ошиблась?

Может быть. Но «линию» свою она держит, доказывая, что Ленин воплощал на практике новозаветные принципы общинной жизни, созидал Новый Мир, что «ФАКТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО КОММУНИЗМА ЕСТЬ НАЧАЛО ВОСХОЖДЕНИЯ НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ ЭВОЛЮЦИИ, К ВЫСШЕМУ СВЕТУ [выделено автором. — С. Ф.], о чем говорил и Христос» [Бусел, 2007, 239, 243, 246].

И что же в итоге?

Совершенно спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, А. И. Бусел говорит, что к 1960 году ленинский план построения социализма был выполнен. Цена, уплаченная за выполнение плана, не обсуждалась. «Плевелы» (о которых вели речь и Христос, и Ленин) в ходе утверждения диктатуры пролетариата, конечно, уничтожались, но ведь это были враги народа — сначала богатеи, затем жулики, тунеядцы, хулиганы. О них сам Ленин писал.

Но всех врагов побороть так и не удалось. Конец XX века — время *испытания и искушения*, о котором предупреждал Христос. Мировая система социализма рухнула. Плохо ли случившееся? Неправильно поставлен вопрос. А. И. Бусел знает, как надо его формулировать и какой ответ получать. — Теперь каждому дана свобода выбора между капитализмом и коммунизмом: на гибель и на спасение. Каждый получил «свободу выбора своей кармы, которую теперь не сможет изменить никакая высшая сила». Участь определяется тем, на какой стороне ты стоишь: на стороне сил «ветхого мира» или «Мира Нового». Нечестивые, приверженцы капитализма и растлители священной социалистической собственности избрали себе мучения, как праведники — жизнь вечную. За выбором неотвратимо последует Божий Суд. Предтеча Солнца правды, Ленин явился в этот мир обратить народы на путь спасения [Бусел, 2007, 249–250].

Для понимающего — достаточно. И все-таки незначительные недоумения остаются: если Ленин — предтеча (по аналогии с Иоанном Крестителем), то кого? Неужели Иисуса Христа? Однако может ли воинствующий атеист быть Предтечей?

У А. И. Бусел и на это есть аргумент: а с чего вы взяли, что он был атеистом? «Так некогда говорили и о Христе: „Не от Бога этот человек“». Вот и получается, что не только Ленин со своей партией «неразделимы и неслиянны», но и ленинизм глубоко укоренен в идеях Христа, являясь продолжением в эпоху Апокалипсиса этих самых идей [Бусел, 2007, 254].

Абсурд доводится до конца и сам себя разоблачает.

Таким образом, подводя общие итоги, можно сказать, что, во-первых, согласно заключениям современных марксистских «богостроителей», Ленин, связанный с грядущим Спасителем, оказывается фигурой, Спасителю соразмерной. Рядом с ним никто

стоять не может, никто не может избежать участи, predeterminedенной для всех и каждого вождем Октября, никто, под страхом вечного наказания, не может игнорировать явленное всем «светлое будущее».

Во-вторых, десятилетия провозглашавшийся самым непримиримым идейным борцом с религией, впервые раскрывшим ее источники и корни (экономические и исторические), большевистский вождь прославляется в качестве нового мессии, знающего истину и ведущего к ней всех людей доброй воли. Сказка о коммунизме плавно превращается в сказку о его провозвестнике, атеизм которого переосмысливается в религиозном ключе. Если согласиться с известным выражением о «сне разума», рождающем чудовищ, то следует признать: подобные «чудовища» очень часто оказываются жизнестойкими и способными к материализации.

В-третьих, у нас нет никакой возможности говорить о «сочувствии» Патриарха Тихона и единомысленных с ним православных иерархов — борцов с обновленчеством — политике Ленина: «сочувствие» Предстоятеля Церкви следует воспринимать как относившееся сугубо к факту кончины Председателя Совнаркома, и не более.

В-четвертых, ленинский миф и до сего дня оказывается востребованным и эксплуатируется как сторонниками «конвергенции» революции 1917 г. и религии, так, зачастую, и теми, то громогласно заявляет о своей ненависти к большевистскому вождю и для кого он — один из отрицательных героев отечественной истории минувшего столетия.

Наконец, в-пятых, миф о «ленинской религиозности» следует понимать в контексте сознательно творившейся в советскую эпоху «коммунистической сказки», как своеобразный идеологический симулякр, замещавший столь необходимые человеку высочайшие религиозные идеалы их фальшивой квазирелигиозной копией.

Источники и литература

1. Акты Святейшего Тихона (1994) — Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Андреева (1964) — *Андреева Ек.* Жестокий путь. М., 1964.
3. Аничкова (2016) — *Аничкова С. И. (баронесса Таубе).* Загадка Ленина: из воспоминаний редактора. М., 2016.
4. Аполлон Александрович Шухт — URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:984930> (дата обращения: 27.09.2018).
5. Безыменский (1957) — *Безыменский А. В. И.* Ленин на III съезде комсомола // О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки. М., 1957.
6. Богомолов (1990) — *Богомолов Н. А.* Вокруг «Форели» // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990.
7. Бусел (2007) — *Бусел А.* Евангелие от Маркса. М., 2007.
8. Валентинов (1991) — *Валентинов Н.* Малознакомый Ленин. СПб., 1991.
9. Валентинов-Вольский (2017) — *Валентинов-Вольский Н. В.* Встречи с Лениным // В. И. Ленин: pro et contra, антология / Сост., вст. ст., комм. В. А. Гуторова. СПб.: РХГА, 2017. С. 53–134.
10. Волкогонов (1999) — *Волкогонов Д.* Ленин. М., 1999. Кн. II.
11. Головашкин (2007) — *Головашкин Т.* На греческих церковных фресках появился Ленин. URL: <https://utro.ru/articles/2007/02/07/623322.shtml> (дата обращения: 27.09.2018).
12. Крупская (2013) — *Крупская Н.* Мой муж Владимир Ленин. М., 2013.
13. Крупская: *Из воспоминаний* — *Крупская Н. К.* Из воспоминаний о В. И. Ленине. Детство и ранняя юность // О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки. М., 1957.
14. Ленин: *Социализм и религия* — *Ленин В. И.* Социализм и религия // *Он же.* Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 12.

15. Мещерский (1924) — *Евдоким (Мещерский), митр.* В церковных кругах // Правда. 1924. 25 января. № 20. Пг. С. 3.
16. Романовский (1999) — *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999.
17. Сафонов (2013) — *Сафонов Д., свящ.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России и его время. М., 2013.
18. Семенов-Тянь-Шанский (1992) — *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Фрагменты воспоминаний // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992.
19. Соломон (1991) — *Соломон Г.А.* Вблизи вождя: свет и тени. Ленин и его семья. 1991.
20. Стешин (2009) — *Стешин Д.* Неканонические иконы: Можно ли молиться Ленину. URL: <https://www.kp.ru/daily/24389.3/567383/> (дата обращения: 27.09.2018).
21. Троцкий (2017) — *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров // В.И. Ленин: pro et contra. Антология / Сост., вст. ст. В. А. Гуторова. СПб., 2017.
22. Тумаркин (1997) — *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический Проект, 1997.
23. Ульянов Д. (1989) — *Ульянов Д.И.* Детские годы Владимира Ильича // Воспоминания о В. И. Ленине: в 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 1.
24. Ульянова-Елизарова (1988) — *Ульянова-Елизарова А.И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания, очерки, письма, статьи. М., 1988. URL: <https://proflib.net/chtenie/92084/apna-ulyanova-elizarova-vospominaniya-ob-iliche.php> (дата обращения: 27.09.2018).
25. Фишер (1970) — *Фишер Л.* Жизнь Ленина. London, 1970.
26. Фотиева (1991) — Из записей Л. А. Фотиевой // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6.
27. Шахнович (1961) — *Шахнович М.И.* Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах В. И. Ленина. М.; Л., 1961.
28. Щербакова (2014) — *Щербакова Т.Ф.* Староверы Ульяновы. Заговор купцов. URL: <https://www.proza.ru/2014/06/23/1796> (дата обращения: 27.09.2018).
29. Щукин (2017) — *Щукин Т.* Ленинская вера. Почему Волода Ульянов порвал с Церковью? // Вода живая. 2017. № 4. URL: http://aquaviva.ru/journal/leninskaya_vera_pochemu_volodya_ulyanov_porval_s_tserkovyu (дата обращения: 27.09.2018).
30. Donnews (2017) — В Воскресенском соборе в Старочеркасской на одной из икон вместо Христа обнаружен Владимир Ленин. URL: http://www.donnews.ru/V-Voskresenskom-sobore-v-Starocherkasskoj-na-odnoj-iz-ikon-vmesto-Hrista-obnaruzhen-Vladimir-Lenin_29247 (дата обращения: 27.09.2018).

Sergey Firsov. “The Sacred Image”: Some Aspects of the History of the Myth of Leninist Religiosity and Its Perception (Social and Psychological Aspects of this Topic).

Abstract: The author of this article considers an important historical, ecclesiastical and religious studies topic: the analysis of the socio-psychological aspects of the myth of “Leninist religiosity” and its perception, both by contemporaries of the Bolshevik leader and by our contemporaries. The author shows how the tale about Lenin’s original atheism was used by the Soviet ideological machine in order to create a new myth, in which Lenin occupied the place of the “savior” and “leader” of the human masses, a kind of “communist messiah”. The article shows how and why such a substitution took place, in which the desired “bright future” promised by the Bolsheviks was inextricably linked with the personality of the “sacred” Bolshevik leader. The author tries to prove that the myth of “Leninist religiosity” should be understood in the context of the “communist fairy tale” consciously created in the Soviet era, as a kind of ideological simulacrum, replacing the high religious ideals so necessary for man with its own fake quasi-religious ideology.

Keyword: myth, religion, Orthodox Church, Lenin, atheism, Russian Revolution, Communism.

Sergey Lvovich Firsov — Doctor of Historical Sciences, Professor at St. Petersburg Theological Academy (sfirsofff@mail.ru).

Sources and References

1. Akty Svyateyshego Tikhona (1994) — *Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyskiye dokumenty i perepiska o kanonicheskom preymstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917–1943 gg.* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest ecclesiastical authority. 1917–1943]. Comp. by M. E. Gubonin. Moscow, 1994. (In Russian).
2. Andreyeva (1964) — Andreyeva E. *Zhestokiy put'* [Hard Way]. Moscow, 1964. (In Russian).
3. Anichkova (2016) — Anichkova S. I. (baronessa Taube). *Zagadka Lenina: iz vospominaniy redaktora* [Enigma of Lenin: from editor's memoirs]. Moscow, 2016. (In Russian).
4. Apollon Aleksandrovich Shukht — Available at: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:984930> (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
5. Bezymenskiy (1957) — Bezymenskiy A. V. I. Lenin na III s"yezde komsomola [Lenin at the III Congress of the Komsomol]. *O Lenine. Vospominaniya. Rasskazy. Ocherki* [About Lenin. Memories. Stories. Essays]. Moscow, 1957. (In Russian).
6. Bogomolov (1990) — Bogomolov N. A. Vokrug «Foreli» [Around "Trout"]. *Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura XX veka. Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maya 1990 g.* [Mikhail Kuzmin and Russian culture of the XX century. Theses and materials of the conference May 15–17, 1990]. Compl. and ed. by G. A. Morev. Leningrad, 1990. (In Russian).
7. Busel (2007) — Busel A. *Evangeliiye ot Marksa* [Gospel by Marx]. Moscow, 2007. (In Russian).
8. Donnews (2017) — V Voskresenskom sobore v Starocherkasskoy na odnoy iz ikon vmesto Khrista obnaruzhen Vladimir Lenin [Vladimir Lenin discovered in the Resurrection Cathedral in Starocherkasskaya on one of the icons instead of Christ]. Available at: http://www.donnews.ru/V-Voskresenskom-sobore-v-Starocherkasskoy-na-odnoy-iz-ikon-vmesto-Hrista-obnaruzhen-Vladimir-Lenin_29247 (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
9. Fisher (1970) — Fisher L. *Zhizn' Lenina* [Lenin's life]. London, 1970. (In Russian).
10. Fotiyeva (1991) — Iz zapisey L. A. Fotiyevoy [From notes of L. A. Fotiyeva]. *Izvestiya TsK KPSS*. 1991, no. 6. (In Russian).
11. Golovashkin (2007) — Golovashkin T. *Na grecheskikh tserkovnykh freskakh poyavilsya Lenin* [Lenin appeared on Greek church frescoes]. Available at: <https://utro.ru/articles/2007/02/07/623322.shtml> (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
12. Krupskaya (2013) — Krupskaya N. *Moy muzh Vladimir Lenin* [My husband is Vladimir Lenin]. Moscow, 2013. (In Russian).
13. Krupskaya: *Iz vospominaniy* — Krupskaya N. K. *Iz vospominaniy o V. I. Lenine. Detstvo i rannaya yunost'* [From the memoirs on V. I. Lenin. Childhood and early youth]. *O Lenine. Vospominaniya. Rasskazy. Ocherki* [About Lenin. Memories. Stories. Essays]. Moscow, 1957. (In Russian).
14. Lenin: *Sotsializm i religiya* — Lenin V. I. *Sotsializm i religiya* [Socialism and Religion]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works]. Moscow, 1970, vol. 12. (In Russian).
15. Meshcherskiy (1924) — Evdokim (Meshcherskiy), metropolitan. V tserkovnykh krugakh [In Church circles]. *Pravda*. 1924, 25 Jan., no. 20, p. 3. (In Russian).
16. Romanovskiyy (1999) — Romanovskiyy S. I. *Nauka pod gnetom rossiyskoy istorii* [Science under the press of Russian history]. Saint Petersburg, 1999. (In Russian).
17. Safonov (2013) — Safonov D., priest. *Svyatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rossii i ego vremya* [St. Tikhon, patriarch of Moscow and All Russia, and his time]. Moscow, 2013. (In Russian).
18. Semenov-Tyan-Shanskiy (1992) — Semenov-Tyan-Shanskiy V. P. *Fragmentsy vospominaniy* [Fragments of memories]. *Zven'ya. Istoricheskiy al'manakh* [Links. Historical almanac]. Moscow; Saint Petersburg, 1992. (In Russian).
19. Shakhnovich (1961) — Shakhnovich M. I. *Lenin i problemy ateizma. Kritika religii v trudakh V. I. Lenina* [Lenin and the problems of atheism. Criticism of religion in the writings of V. I. Lenin]. Moscow; Leningrad, 1961. (In Russian).
20. Shcherbakova (2014) — Shcherbakova T. F. *Starovery Ul'yanovy. Zagovor kuptsov* [Old Believers Ulyanov. Conspiracy of merchants]. Available at: <https://www.proza.ru/2014/06/23/1796> (accessed: 27.09.2018). (In Russian).

21. Shchukin (2017) — Shchukin T. Leninskaya vera. Pochemu Volodya Ul'yanov porval s Tserkov'yu? [Lenin's faith. Why did Volodya Ulyanov break with the Church?]. *Voda zhivaya*. 2017, no. 4. Available at: http://aquaviva.ru/journal/leninskaya_vera_pochemu_volodya_ulyanov_porval_s_tserkovyu (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
22. Solomon (1991) — Solomon G. A. *Vblizi vozhdya: svet i teni. Lenin i ego sem'ya* [Near the leader: light and shadows. Lenin and his family]. 1991. (In Russian).
23. Steshin (2009) — Steshin D. *Nekanonicheskiye ikony: Mozhno li molit'sya Leninu* [Non-canonical icons: Is it possible to pray to Lenin]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/24389.3/567383/> (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
24. Trotskiy (2017) — Trotskiy L. D. *Portrety revolyutsionerov* [Portraits of revolutionaries]. *V.I. Lenin: pro et contra, antologiya* [V.I. Lenin: pro et contra, anthology]. Compl., preface and comm. by V. A. Gutorov. Saint Petersburg: RKhGA Publ., 2017. (In Russian).
25. Tumarkin (1997) — Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. Saint Petersburg: Akademicheskii proyekt, 1997. (Russian translation).
26. Ul'yanov D. (1989) — Ul'yanov D. I. *Detskiye gody Vladimira Il'icha* [Childhood years of Vladimir Ilyich]. *Vospominaniya o V.I. Lenine: v 10 t.* [Memories of V.I. Lenin: in 10 vol.]. Moscow: Politizdat, 1989, vol. 1. (In Russian).
27. Ul'yanova-Elizarova (1988) — Ul'yanova-Elizarova A. I. *O V.I. Lenine i sem'ye Ul'yanovykh. Vospominaniya, ocherki, pis'ma, stat'i* [V.I. Lenin and the Ulyanov family. Memories, essays, letters, articles]. Moscow, 1988. Available at: <https://profilib.net/chtenie/92084/anna-ulyanova-elizarova-vospominaniya-ob-iliche.php> (accessed: 27.09.2018). (In Russian).
28. Valentinov (1991) — Valentinov N. *Maloznakomyy Lenin* [Little-known Lenin]. Saint Petersburg, 1991. (In Russian).
29. Valentinov-Vol'skiy (2017) — Valentinov-Vol'skiy N. V. *Vstrechi s Leninym* [Meetings with Lenin]. *V.I. Lenin: pro et contra, antologiya* [V.I. Lenin: pro et contra, anthology]. Compl., preface and comm. by V. A. Gutorov. Saint Petersburg: RKhGA Publ., 2017, pp. 53–134. (In Russian).
30. Volkogonov (1999) — Volkogonov D. *Lenin* [Lenin]. Moscow, 1999, vol. II. (In Russian).